

DOI: 10.15372/HSS20200304
УДК 94(47)"16/18"+281.93

Н.С. ГУРЬЯНОВА

ДИСКУССИЯ О «КАНОНЕ СВЯЩЕННЫХ ТЕКСТОВ» В ПРЕДИСЛОВИЯХ К СОЧИНЕНИЯМ И СБОРНИКАМ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье представлены результаты анализа Предисловий к сборникам, составленным защитниками старого обряда во второй половине XVII – начале XVIII вв. и к написанному в 1724 г. сочинению Феофана Прокоповича «Истинное оправдание правоверных христиан, крещением поливательным во Христа крещаемых». Показано, как старообрядцы и представители официальной Церкви опирались на одни и те же цитаты, но толковали их по-разному, обращая против оппонентов. Сделан вывод, что в дискуссии, которая нашла отражение в Предисловиях, более убедительными были авторы-старообрядцы, поскольку они продемонстрировали безусловную уверенность в своем праве использовать «канон священных текстов» для изложения истинного вероучения.

Ключевые слова: Церковь, старообрядцы, Предисловия, рукописные сборники, «канон священных текстов».

N.S. GURIANOVA

DISCUSSION ON THE “CANON OF SACRED TEXTS” IN PREFACES TO ESSAYS AND COLLECTIONS

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article presents the analysis results of the Prefaces to the collections compiled by the defenders of the Old Belief in the second half of the XVII – early XVIII centuries, and to the work by Feofan Prokopovich written in 1724 “Istinnoe opravdanie pravovernykh khristian, kreshcheniem polivatel’nym vo Khrista kreshchaemykh [The True Justification of Orthodox Christians with Watering Baptism Baptized in Christ]”. It shows ways of significant expanding the «canon of sacred texts» by Timofey Lysenin in the early XVIII century continuing the work that was started by the first generation of the church reform opponents. Lysenin compiled his book of quotations which served as arguments to prove the deviation of the official Church from Holy tradition. In the Preface, the Old Believer expressed confidence that this text could reveal «God truth» to a reader. The author entered into a discussion with opponents declared as heretics due to their misinterpretation of Holy Scripture. T. Lysenin had to validate his right to refer to the interpretation of the “canon of sacred texts” in order to explain to readers where the lies and truth were. In the Preface, the author said that he was able to present «a true belief» in his book. Naturally, such a conviction of the Old Believer’s ideological leaders could not remain unanswered by the official Church. Feofan Prokopovich in the Preface to the essay devoted to the refutation of the point of view of the Old Belief defenders on watering baptism, clearly disproved the opinion formulated by T. Lysenin in the Preface to the collection of preparatory materials for «Dyakon’s answers». Both authors relied on the same quotes, but interpreted them differently, turning against opponents. Each argued his invectives against opponents accusing them of ignorance of the Holy Scripture and its misunderstanding. The hierarch denied the right of Old Believers to interpret the Holy Scripture, as they do this based on the «canon of sacred texts». But in the end, he had to admit the success of the Old Believers’ teachings. The author concludes that in the discussion reflected in the Prefaces, the Old Believers were more convincing, because they demonstrated unconditional confidence in their right to use the “canon of sacred texts”.

Key words: Church, Old Believers, Prefaces, manuscripts, “canon of sacred texts”.

Наталья Сергеевна Гурьянова – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: gurian@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-8957-2018>

Natalya S. Gurianova – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Предисловия выполняли важную функцию в древнерусских рукописных и печатных текстах, превратившись в необходимый элемент структуры произведения, рукописного кодекса или изданной книги (об этом см.: [1]). На процесс составления Предисловий оказала свое влияние и пришедшая из Киевской митрополии книжная культура¹. Противники церковной реформы продолжили традицию книжников Древней Руси по написанию текстов, предваряющих сочинения и сборники, в которых они ориентировали читателей, каким образом воспринимать представленное сочинение или выписки из Священного Писания и святоотеческого предания.

Для первого поколения защитников старого обряда важно было доказать незаконность и неправомерность нововведений в обряд и богослужебную практику Русской церкви, а также описать отстаиваемую религиозную традицию и отрекомендовать ее в качестве истинной веры. Направленность разысканий необходимых текстов из рукописей и старопечатных книг во многом определили иноки Соловецкого монастыря, обеспечив при этом высочайший уровень книжной культуры и безусловную авторитетность отобранных фрагментов. Работа эта была начата с первых шагов реформатора. Об этом свидетельствует творческое наследие Сергия Шелонина (о нем см.: [2]), Герасима Фирсова (о нем см.: [3]) и Геронтия Соловецкого (о нем см.: [4]).

Представители первого поколения противников церковной реформы сумели отыскать в рукописях и старопечатных книгах большое количество цитат, в которых, как они считали, была представлена традиция Русской церкви. Каждый фрагмент обязательно сопровождался указанием на исходный текст, который должен был быть авторитетен и для оппонентов. Подобные выписки включались в сборники или составляли особые «тетради». Опираясь на эти фрагменты, авторы в челобитных и публицистических сочинениях отстаивали свое право оставаться в оппозиции к новшествам.

Официальная Церковь относилась к подобным рукописям с цитатами из текстов достаточно серьезно, считая их важным средством распространения раскола. Об этом можно судить по сочинениям иерархов. Афанасий Холмогорский, убеждая невежд, внимающих проповедникам, которые использовали соответствующие выписки из Священного Писания и святоотеческого предания, заявлял следующее: «Глаголет бо Писание, от Сиона изыде закон и Слово Господне от Иерусалима, [а не из Соловецкаго монастыря от бывших тамо прежде сего противников, иже противишася святей Церкви и не из расколничьих кустов] и во всю землю и в концы вселенныя вещанием святых апостол изыде» [5, л. 227 об.]². Иерарх отметил значимость

для распространения раскола сборников и сочинений иноков Соловецкого монастыря, подчеркнув, что в них не нашли отражение «закон и слово Господне». Иначе воспринимали результаты своих разысканий соловецкие иноки.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ
ГЕРОНТИЯ СОЛОВЕЦКОГО

Ярким примером результатов разысканий аргументов в пользу отстаиваемой противниками церковной реформы точки зрения на новшества является введенный в научный оборот О.В. Чумичевой сборник, составленный уставщиком и книгохранителем Соловецкого монастыря черным попом Геронтием в 60-е гг. XVII в. Рукопись РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 706³ состоит из двух частей: в первой помещены фрагменты текстов, на которые защитники старого обряда ссылались, доказывая незаконность нововведений в обряд и богослужебную практику Русской церкви, а во второй – автографы сочинений Геронтия с изложением аргументов в пользу отстаиваемой точки зрения на новшества.

Первая часть сборника начинается с текста, выполняющего роль Предисловия. Он характерен для такого рода обращений составителей к читателям. Уже в названии дана аннотация содержания: «Изложение о православней истинней христианстей вере»⁴. В первой фразе сразу заявлено, что «истинным христианам» следует прежде всего обращаться к текстам Священного Писания, но читать «со испытанием»: «Первое убо подобает истинному христианину, не токмо иноком, но и сущим в мире, испытати Писания»⁵. Как далее поясняется, это необходимо для того, чтобы иметь «о вере истинное разумение», которое «ключ и дверь всему Божественному Писанию»⁶.

Геронтий использовал текст «Изложения о православней истинней христианстей вере» явно с целью убедить читателей в том, что его сборник способен помочь получить «о вере истинное разумение». Он пытается внушить читателям мысль о необходимости Бога почитать, как «предано... от святых апостол и святых отец», т.е. через святоотеческое предание постигать Божественное Писание. Для уставщика, книгохранителя и инока Соловецкого монастыря не требовалось аргументировать право рассуждать о вопросах, относящихся к религиозной жизни, богословию.

В Предисловиях, включенных в первую и во вторую части сборника, Геронтий утверждал, что Книга составлена им из текстов «от Божественных Писаний», собранных «ко утверждению своему и всем» в истинной вере. Возможно, соловецкие книжники оказали влияние на последующие поколения защитников старого обряда, и характерная для древнерусского

³ Российская государственная библиотека (РГБ), собр. Егорова (ф. 98), № 706. Описание сборника см.: [7, с. 61-63].

⁴ РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 706, л. 5 – 12 об.

⁵ Там же, л. 5.

⁶ Там же, л. 5 об.

¹ О функции предисловий в украинских старопечатных изданиях см.: [1, с. 129 – 152; с. 153 – 187].

² Описание издания см.: [6, с. 110, № 377].

книжника мысль о том, что Священное Писание следует читать «со испытанием» и при этом, чтобы уяснить смысл прочитанного, не рассуждать «от своего разума», а ориентироваться на истолкования отцами Церкви, стала для них традиционной. В Предисловии к Книге Геронтия эта мысль изложена особенно четко.

Подобным образом будут убеждать своих читателей старообрядцы в более позднее время, апеллируя к тем же цитатам, что и Геронтий. Противники церковной реформы, продолжая традиции книжников Древней Руси, умело оперировали отобранными цитатами, создавая убедительную для читателей картину отступления реформаторов от традиции Русской церкви. Опровергать эти аргументы было затруднительно, поэтому в антираскольнических сочинениях защитников старого обряда обычно объявляли невеждами, глупцами, например в «Увете духовном», изданном в 1682 г.

Афанасий Холмогорский написал это сочинение с целью опровержения челобитных Лазаря и Никиты Добрынина, но он постоянно пишет о вреде рукописей, в которых собраны фрагменты текстов, которые цитируют оппоненты. При этом автор признает, что подобные подборки способны убедить читателей, но призывает не доверять им: «И аще кто малым свидетелством, единою книгою и от невежд писаную в чем блазнится, то пришел бы ради сумнения своего, посмотрел в царскаго величества книгохранительной палате, такожде в святейшаго патриарха книгохранительнице и на Печатном дворе в книгохранительной же палате, коликия тысячи книг старых греческих и российских, писанных и печатных, харатейных и бумажных... предлежат» [5, л. 256–256 об.].

Иерарх Русской церкви очень точно обозначил проблему «канона священных текстов». Выписки из авторитетных древних рукописей и старопечатных книг, действительно, обычно были собраны в одной рукописи, поэтому Афанасий высказал сомнение в справедливости обращаться к ним для решения спорного вопроса обряда или богослужебной практики. Он перечислил большое количество книжных собраний, в которых хранятся древние греческие, русские рукописи и старопечатные книги, и предложил с ними ознакомиться, а не доверять отобранным защитниками старого обряда выпискам.

ТИМОФЕЙ ЛЫСЕНИН И ФОРМИРОВАНИЕ «КАНОНА СВЯЩЕННЫХ ТЕКСТОВ» В НАЧАЛЕ XVIII в.

К началу XVIII в. постепенно церковная оппозиция превратилась в широкое религиозно-общественное движение, которое разделилось на два направления, а каждое еще и на самостоятельные согласия. Положив в основу отобранные первым поколением противников церковной реформы цитаты, старообрядцы значительно увеличили их количество и круг исходных текстов. В «канон священных» были включены фрагменты из рукописей и старопечатных книг, авторитетность которых была очевидной и для оппо-

нентов. Каждая цитата сопровождалась указанием, откуда она скопирована, и приводились свидетельства авторитетности этого текста.

Отобранные несколькими поколениями фрагменты из Священного Писания, святоотеческого предания, произведений церковных писателей, сочинений старообрядцев давали возможность защитникам старого обряда опровергать обвинения представителей Церкви в несправедливости отстаиваемой точки зрения на новшества. Первое поколение противников церковной реформы объявило их «священными», а в начале XVIII в. использование этих цитат стало восприниматься старообрядцами как равнозначное обращению к Божественному Писанию с целью познать истинное вероучение.

Желание увеличить «канон священных текстов» побудило защитников старого обряда обратиться к рукописям и старопечатным книгам, чтобы провести «ревизию» уже отобранных фрагментов и найти новые, способные поддержать их точку зрения на спорные вопросы. Показательной в этом плане была деятельность Тимофея Лысенина (о нем см.: [8]), принадлежащего к направлению приемлющих попов. Он сумел получить доступ к исходным текстам, которые находились в основных книгохранилищах, и которые перечислил Афанасий Холмогорский, имел возможность проверить точность воспроизведения фрагментов и дополнить цитаты вполне научным описанием рукописей и печатных книг. Е.М. Юхименко в статье «Новый Иерусалим и старообрядцы в начале XVIII в.» представила убедительный материал, свидетельствующий о высочайшем уровне книжной культуры Т.М. Лысенина, работавшего в книгохранительнице Воскресенского Новоиерусалимского монастыря и подробно изучившего 10 древних книжных памятников [9].

Сочинение Тимофея Лысенина «Собрание от святых книг и от чудотворных икон, како слагати персты и креститься, тако и благословляти, и коль велие таинство в сложении перстов крестнаго знамения», написанное в начале XVIII в., было составлено из отобранных к этому времени защитниками старого обряда фрагментов текстов из авторитетных рукописей и старопечатных книг, подтверждающих их точку зрения на основные дискуссионные вопросы (о форме креста, крестного знамения и сколько раз повторять припев церковных песнопений Аллилуия)⁷. Автор предложил определенную последовательность цитат, которые не только точно воспроизводили исходный текст, но и были дополнены вполне научным для того времени описанием рукописи или старопечатной книги с указанием места хранения.

Деление фрагментов текстов на тематические блоки позволило Тимофею Лысенину представить достаточно убедительную точку зрения на решение спорных проблем обряда, религиозной жизни или богословского вопроса. Располагая их определенным образом, он

⁷ Это сочинение – вторая (из 4-х) Книга Тимофея Лысенина. См.: РНБ, собр. Погодина, № 1256, стб. 576 – 1264.

предлагал решение обсуждаемого вопроса. При этом обязательно дополнял вводными словами и авторскими комментариями, которые ориентировали читателей, каким образом следовало воспринимать скопированный фрагмент.

Ожидая предстоящую дискуссию с епископом Питиримом, старообрядцы составили сборники подготовительных материалов к Дьяконовым ответам, которые введены в научный оборот А.Т. Шашковым и О.К. Беляевой (перечень рукописей см.: [10, с. 10]). Текст сочинения Тимофея Лысенина послужил для них основой. В этих сборниках нашел отражение процесс обоснования права называть «священными» отобранные фрагменты текстов благодаря которым старообрядцы показывали явное отступление реформаторов от традиций Русской церкви. В них прослеживается стремление составителей убедить читателей в том, что знакомство с текстом сборника сопоставимо с обращением к Божественному Писанию с целью познания Бога и истинной веры. Особенно это заметно в Предисловиях, в которых проступает и явная дискуссия с оппонентами.

ПРЕДИСЛОВИЯ К СБОРНИКАМ, СОСТАВЛЕННЫМ СТАРООБРЯДЦАМИ В НАЧАЛЕ XVIII в.

Один из списков сборника подготовительных материалов к Дьяконовым ответам начинается с Предисловия, в котором составитель убеждает читателей в необходимости каждому христианину постоянно обращаться к тексту Священного Писания для того, чтобы «разделить истинну от прелести», т.е. остаться верным учению Христа, под которым, естественно, подразумевалось отстаиваемое старообрядцами⁸. Основные фрагменты этого текста, хотя и не в форме Предисловия, обязательно присутствуют во всех сборниках. Автором Предисловия, скорее всего, был Тимофей Лысенин.

Об этом свидетельствует обращение к еще одному подобному тексту. Сборник ГПНТБ СО РАН, собр. Тихомирова, № 529, составленный в первой четверти XVIII в. из фрагментов текстов Книг Тимофея Лысенина, тоже открывает «Предисловие благочестивому брату и другу искреннему»⁹. Это, действительно, обращение к единоверцу, который благословил на сбор «свидетельств» и поддерживал Тимофея Лысенина в продолжавшемся длительное время обследовании книгохранилищ. Уже в первой фразе заявлено, что данный сборник составлен по просьбе адресата.

Далее помещены рассуждения в духе книжника Древней Руси о том, что он «не учихбоя никаковым наукам философским» и, ведая «ума нищету», не уверен в своем праве «творити и глаголати», поэтому хотел промолчать¹⁰. Затем автор поделился с адресатом

следующим соображением: «Но молчащу ми, аще ты прельстят нецыи суетумудреники в каковую-либо ересь или в хулу, зане в настоящая сия времена последняя по грехом нерадения нашего велик пламень злохитрых и многоглавных ересей разгореся, и убояхся болшаго осуждения. Аще умолчю и презрю твое прошение, соблазнишися в чем и грех той на обоих будет»¹¹.

Так в Предисловии объяснено решение дать ответ на просьбу адресата. При этом подчеркнуто, что оно принято, опираясь на тексты Священного Писания. Автор проводит мысль о необходимости делиться своими знаниями о вере с близкими людьми и делает, сославшись на авторитет сборника «Кириллова книга», следующее заключение: «Аз же, аще и всех земнородных грешнее есмь, но писано есть сице: Никто же должен есть, видя многая своя согрешения, премолчевати или таити правду Божию, но подобает каятися и исповедати своя согрешения, о правде Божией не молчати»¹².

Осознавая себя грешным человеком, автор Предисловия одновременно подчеркивает, что не имеет права «премолчевати или таити правду Божию». Следовательно, он уверен в своей способности донести ее до читателей и явно не сомневался, что в сборнике собрал фрагменты текстов из Священного Писания и святоотеческого предания, в которых представлена «правда Божия». Сославшись на авторитет Иоанна Дамаскина, Никона Черногорца, Максима Грека, которые утверждали, что «истину от прелести» или «истину от лжи» можно познать только при обращении к Божественному Писанию, старообрядец обратился к адресату с призывом «веровати токмо по писанию святых книг, а не на ино что взирати». Затем он так описал создавшуюся ситуацию, в которой надо быть каждому христианину особенно бдительным: «Мнози бо ныне прелестницы смятоша люди Божия и в недоумения вложиша, развращенная глаголюще, ты же о сем не удивляйся, но к Божественному Писанию прибегай. Вина же смятению бысть любоначальных властей мнение и лживых учителей»¹³.

Тимофей Лысенин возложил вину за уклонение от веры на «лживых учителей», поддерживаемых светской властью. В данном случае, естественно, речь идет об официальной Церкви и поддерживавшей ее светской власти. Прочитав далее фрагмент из Книги о вере с утверждением о том, что в «последние дни» христиане, «хотящие вправду во христианьстей вере утвердиться», должны устремляться к Священному Писанию, обращается к адресату со следующей просьбой: «Аз же ти глаголю, не внимай речению нынешних блазнителей»¹⁴. После этого следует разъяснение, что нужно быть осторожными и с теми, кто, вроде, защищает истинную веру, но устраивает «свары и разделения» среди христиан¹⁵. В данном случае автор

⁸ РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 1703, л. 3 – 12 (далее – *Е.1703*).

⁹ Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН (ГПНТБ СО РАН), собр. Тихомирова, № 529, л. 10 – 21.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 10 об.

¹² Там же, л. 11.

¹³ Там же, л. 13.

¹⁴ Там же, л. 14.

¹⁵ Там же, л. 14 об.

высказал свою озабоченность внутренними спорами в старообрядчестве.

Автор Предисловия пытается убедить адресата, что нужно опасаться лжеучителей. Для Т. Лысенина – это представители официальной Церкви и несогласные с его точкой зрения на решение спорных вопросов защитники старого обряда, поскольку он считает, что и в том, и в другом случае речь идет о ересь. Обозначив взгляды своих оппонентов в качестве еретических, он объяснил их уклонения от веры незнанием Божественного Писания, вернее, его «оставлением». По мнению автора Предисловия, они не обращаются к текстам, а «на едином слове сокровенном утверждают» и апеллируют к «новопремудростям мира». Но прежде всего сформулировано обвинение в неверном истолковании Писания – «скажут криво». Т. Лысенин, выдвигая такие обвинения, подразумевал, что он предлагает читателям изложение «правды Божией», опираясь на тексты Священного Писания и святоотеческого предания.

Обращение к анализу «Предисловия благочестивому брату и другу искреннему» позволило получить представление об отношении Тимофея Лысенина к результатам проделанной им работы по систематизации, расширению круга цитат, исходных текстов и оформлению каждого фрагмента, составившего «канон священных текстов». Он явно считал, что ему удалось представить изложение истинной веры, которое поможет читателю «познать Бога» и распознать ложное учение. В Предисловии к сборнику подготовительных материалов к Дьяконовым ответам автор использовал те же цитаты, увеличив их количество, дословно повторил многие рассуждения, но сделал это не в форме дружеского обращения, а в виде утверждающих заявлений.

Предисловие начинается с констатации факта ценности для человечества Божественного Писания, которое «свет убо есть и разум»¹⁶. Цитаты из Послания апостола Павла и их истолкования Иоанном Златоустом, в которых утверждается необходимость христианину обращаться к Божественному Писанию, завершает отсылка к евангельскому тексту, который использован и в Предисловии к Геронтиевскому сборнику: «Паче же всех сам Господь наш Иисус Христос во святем своем благовестии глаголет сице: Испытайте Писания, в нем же обрящете живот вечный»¹⁷. Сократив стих, автор уточнил для читателя смысл высказывания Христа, практически представив его истолкование.

После этого он призвал отнестись к тексту представленной рукописи с особым вниманием: «Сего ради, хотящих сие писание прочитати или послушати молю, первое, утвердити смысл вниманием глаголемых zde и подати слуха чиста и праздны от молвы и попечения житейских волн. По реченному упразднися и разумеите, кроме бо упражнения разумети Бога

или Божественная того хотения несть мощно»¹⁸. От рассуждения о ценности знакомства с текстом Божественного Писания для христианина автор Предисловия перешел к теме важности чтения написанного им. При этом подчеркнул, что не следует воспринимать этот текст в качестве авторского: «И не помышляти, ниже пытати, кто есть писавый сие, точию внимати пишмым, не своя бо писаше, но Божия и от Божественных Писаний»¹⁹.

Тимофей Лысенин уже подготовил читателя к восприятию рукописи в качестве писания, с помощью которого можно определить, где ложь, а где истина. При этом он ссылается на те же цитаты из Священного Писания и святоотеческого предания, что и в «Предисловии благочестивому брату...», чтобы убедить в необходимости читать «со испытанием», не доверяя «ложным учителям». Приведя или пересказав фрагменты авторитетных текстов, автор заключает: «Нам же прилежати часто Писанию святых отец, да не погибнем тмою неведения»²⁰.

Следом помещен авторский комментарий, который позволяет понять, каким образом Т. Лысенин воспринимал свою роль в процессе познания Бога, т.е. обращения к Божественному Писанию: «Ныне же мнози не испытуют Божественная Писания, якоже подобает. И не токмо не испытуют, но и испытующих Писание бесчестят и поносят»²¹. Разумеется, подобные истолкователи объявляются еретиками, «кривоверия ради». Как и в «Предисловии благочестивому брату...», приведены соответствующие цитаты из Священного Писания и святоотеческого предания о необходимости избегать соблазнов еретических учений.

Предисловие к сборнику подготовительных материалов к Дьяконовым ответам, как уже отмечалось, не имеет формы дружеского обращения к адресату, с которым автор ведет доверительный разговор. Это скорее идейный манифест Тимофея Лысенина – книжника, проделавшего огромную работу по систематизации отобранных фрагментов текстов из авторитетных рукописей и старопечатных книг. Он не только их собрал, но и дополнил комментариями, в которых представил истолкования цитат в нужном ему ключе. Тимофей Лысенин искренно считал, что в результате ему удалось создать текст, в котором читатель найдет изложение истинного вероучения, а «канон священных текстов» вполне может заменить для христианина обращение к Божественному Писанию.

В Предисловии автор продемонстрировал свою уверенность в праве решать сложные вопросы православного учения, постоянно подчеркивая уклонения от истинной веры своих оппонентов – представителей официальной Церкви и старообрядцев, не поддерживавших его точку зрения. Тимофей Лысенин, воспроизведя дословно значительный фрагмент из «Увета

¹⁶ Е. 1703, л. 3.

¹⁷ Там же, л. 3 об. Ср.: «Испытайте писаний, яко вы мните в них имети живот вечный: и та суть свидетельствующая о мне». – Ин. 5: 39.

¹⁸ Е. 1703, л. 3 об. – 4.

¹⁹ Там же, л. 4.

²⁰ Там же, л. 6.

²¹ Там же.

духовного», в котором Афанасий Холмогорский обвиняет раскольников в том, что они «смущение в людех и крамолу сотвори» [5, л. 9 об.], перевел упрек на официальную Церковь. Дискутируя с иерархом, он обличает своих оппонентов и предостерегает читателей, чтобы опасались «от правоверия в зловерие уклониться» и не верили им²².

Предисловие заканчивается обращением к читателю: «Ты же блюди, да не ослабиши, ни подвижниши от ума, но к Божественному Писанию прибегай. И когда видиши и несмысляща многи, то не чюдися, чреда бо есть быти сицевым»²³. Он предлагает не удивляться наличию многих «несмыслящих», т.е. неверно толкующих Писание. В Предисловии неоднократно подчеркивается, что переживаемые времена – «последние, антихристовы», когда особенно важно сохранить приверженность истинной вере. Для этого каждый должен обращаться к Божественному Писанию, чтобы не попасть под влияние «ложных учений».

Тимофей Лысенин считает, что его Книга, составленная из отобранных несколькими поколениями противников церковной реформы цитат, которые служили аргументами при доказательстве отступления официальной Церкви от традиций, вполне может открыться для читателя «правду Божию» и избежать уклонения от истинного учения. Оппоненты объявлены еретиками, неверно толкующими Божественное Писание. Старообрядец был уверен в своем праве разъяснять читателям, где ложь, а где истина. Естественно, подобная уверенность идейных лидеров старообрядчества не могла остаться без ответа со стороны официальной Церкви.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

В 1724 г. Феофан Прокопович написал сочинение, посвященное оправданию поливального крещения [11]²⁴. Это обычное антираскольниковское произведение, но его предвещает «Ко благочестивому читателю предисловие». В нем автор явно дискутирует с мнением, изложенным Тимофеем Лысениным в Предисловиях. Феофан попытался оспорить право защитников старого обряда обсуждать и решать сложные вопросы обряда и религиозной жизни, требующие глубоких знаний Божественного Писания. Он вступает сразу в дискуссию, приведя, как и старообрядцы, цитату из Евангелия [Мат. 13:52]: «Слыши, что глаголет Спаситель наш о доволном в богословии книжнике: Всяк, рече, книжник научився царствию небесному, подобен есть человеку домовиту, иже износит от сокровища своего Новая и Ветхая» [11, л. 1 – 1 об.].

Апеллируя к одному и тому же евангельскому тексту, Феофан и старообрядцы совершенно по-разному его интерпретируют. Иерарх уже в вводных словах пояснил, что в цитате речь идет «о доволном в богословии книжнике». А после воспроизведения стиха он

уточнил, что такой книжник должен глубоко знать Божественное Писание – Ветхий и Новый Завет. Подобным образом толковал этот текст и Тимофей Лысенин, утверждая, что знание Ветхого и Нового заветов является обязательным для решения богословских вопросов. Но старообрядец был уверен, что он этим знанием обладает, и далее писал о необходимости делиться этими знаниями с окружающими.

По мнению Феофана, богословствовать имеет право только человек, «истинной богословии учащийся». Ученому богослову он противопоставлял необразованного, непросвещенного книжника: «Как же книжник невежливый, который некия толко тетради от подобных ему невежь сочинены видел? Как таковой может входить в дела богословская и произносить своя о таинствах веры изречения, ни Ветхих, ни Новых не имущий? Таковым не иная похвала остается, токмо в молчании» [11, л. 1 об.]. В данном случае Феофан обвиняет старообрядца-книжника в том, что знания о Божественном Писании у него базируются только на выписках из рукописей и старопечатных книг с соответствующими комментариями.

Продолжая рассуждать по этому поводу, Феофан констатирует: «Видим, что так бы невежам подобало, когда речь есть о тайнах богословских, требовать яснаго наставления от ведущих лиц, самим не мешаться в не свое дело, молчать и всячески язык свой обуздовать. Но противное видим, и много видим. И особы ученые не так дерзновенно о церковных таинствах и о догматах веры разглагольствовать обыкли, якоже слепые невежи многии» [11, л. 1 об. – 2]. Иерарх официальной Церкви попытался оспорить право старообрядцев рассуждать по поводу «тайн богословских», т.е. обращаться к Священному Писанию с целью решить спорные вопросы обряда и богослужебной практики, опираясь только на «канон священных текстов».

Далее он еще образнее охарактеризовал невежество защитников старого обряда: «Но когда слогов книжных изучатся и честь и писать могут, но помышляют, что уже все получили и не осталось, чтобы им еще познать подобало. Не ведая, как пространное есть Ветхого и Нового завета Писание и коликаго труда требует к прочтанию своему и как бодраго, не дремлющаго еще же и учении объясненнаго ума к исследованию и проницанию всех своих главизн и силы их. Какой же к тому и помощи искать надлежит из книг многих древних и новых учителей богословских из толкований и историй и прочих пособствующих делу сему писаний» [11, л. 2].

Подобное отношение к оппонентам было высказано и Т. Лысениным, но Феофан более четко сформулировал свои претензии. Он обвинил старообрядцев в том, что они получают представление о Божественном Писании только из «тетрадок» с выписками: «Сия они писанийшка получивше, помышляют, что уже получили и обняли вся пределы мудрости и дошли до самого дна богословии» [11, л. 2 об.]. Иерарх справедливо считал, что книжник должен учиться «богословской премудрости». Старообрядцы возражали, что это будет

²² Е. 1703, л. 11 об.

²³ Там же, л. 11 об. – 12.

²⁴ Описание издания см.: [12, с. 452].

внешняя ученость, которая только мешает в постижении «правды Божией».

Феофан Прокопович, как и старообрядцы, писал о необходимости знать не только Божественное Писание, но и правильно его понимать, т.е. истолковывать «не слепым дерзновением»: «И тако прямой книжник, аще и может Новая и Ветхая произносить, однако же не слепым дерзновением творит то: произносит ведомая, о неведомых молчит, донележе уведает и она» [11, л. 3]. Образ ученого богослова, который толкует Писание, опираясь на знание «книг многих древних и новых учителей богословских», противопоставлен невежественным проповедникам: «Невежа же сам себе высоким о мудрости своей мнением обольстивый о всех вещах и далече от ума его отстоящих говорить и судить скор и дерзок. И некую, аки сверболту, понуждающую его к бусловию, ощущает в себе» [11, л. 3].

Разумеется, идейные лидеры старообрядчества представлены Феофаном в качестве отрицательных персонажей, а их учения еретическими. Для этого иерарх задействовал все имеющиеся в его арсенале средства – образные сравнения, «диалектические хитрости», уничижительные характеристики. Вот типичный пример описания богословствующего старообрядца: «Помышляя бо безделник о себе, что мудр есть, желает, дабы и вси тож о нем думали и яко премудра славили и почитали. И тако не может терпеть молчания, опасаясь, да не помыслит кто о нем, что он не все знает. Того ради никакова в разговоре с людьми не упустит случая, в котором бы мощно ему как вороне голос испустить, Писание толковать тщится, от книг будто отеческих [которых не бывало], свидетельства произносит, но и без всякаго свидетельства своим умислом и простым росказом поучает, что верити, что хранити и чего блюстися подобает» [11, л. 3 – 3 об.].

Феофан при сравнении подобных учителей с древними еретиками готов даже признать за последними если не образованность, то ум: «Видим ереси некие о высоких догматах блядословящия, но высоко и тонко произнося, хотя неправо от священных Писаний свидетельства, такоже и ухищренным умствованием силлогистическия пленицы, тако реши, и сети соплетая, яковая ересь была Ариева, Македониева, Несториева, Евтихиева и прочиих» [11, л. 6]. Все это для того, чтобы подчеркнуть необразованность учителей-старообрядцев и сделать вывод, что «домашнее зло» страшнее древних ересей.

В создании отрицательного образа раскольников Феофан не жалел красок: «Колми паче всякому благоразумному смешно видети, как то слепый невежа, которому надлежало яко ни к чему негодному свиней пасти, нарек себе веры учителем, тщится богословствовать и уставляет догматы, какие хочет и спорит в том, чего сам отнюдь не ведает. Да премудрым себе быти разумеет, понеже слоги изучил и письмо руское прочесть может и тетради подобных себе писателей чел» [11, л. 5–5 об.]. Иерарх постоянно подчеркивал, что старообрядцы свои аргументы приводят, опираясь не на Божественное Писание, а на «тетради». Разуме-

ется, речь идет о выписках из Священного Писания, святоотеческого предания, сочинений церковных писателей, старопечатных книг, которые, действительно, защитники старого обряда считали священными текстами.

С точки зрения ученого богослова обвинение раскольников в необращении к текстам Священного Писания вполне закономерно. По-видимому, Феофан считал, что это дает ему право называть «учителей раскола российского» «тупыми и грубыми сумазбродами», которые «и единой части исповедания не знающих» [11, л. 6.]. При такой совершенно уничижительной характеристике раскольников учителей он реально оценивал степень их влияния. В конце Предисловия он задается вопросом: «Что же сделалось? Не получили ли вероятия, о стыдения твоего Россие!». Отвечая на него, Феофан вынужден констатировать: «Так много число верующих и последовавших себе получили, что места не обрящем, где бы оных лестцов не были наследники и ученики. Ово тайные, ово же и явные, которые, хотя и сами отнюдь не знают, что приемлют и что отмещут и на чем основаны стоят, однако же стоят на пути погибелном, аки бы обаяные» [11, л. 6 об.].

Иерарх Русской церкви был озабочен степенью распространения учения старообрядцев и успешностью пропаганды «невежественных богословствующих учителей». В тексте «Ко благовестивому читателю предисловие» он попытался убедить читателей в том, что не следует доверять подобным лжеучителям. Феофан Прокопович явно дискутирует с точкой зрения Тимофея Лысенина, изложенной в Предисловии к сборникам подготовительных материалов к Дьяконовым ответам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращение к анализу Предисловий к старообрядческим сборникам позволило показать, что благодаря соловецким инокам с первых шагов патриарха Никола начался отбор фрагментов авторитетных текстов из рукописей и старопечатных книг, свидетельствующих о справедливости отстаиваемой противниками церковной реформы точки зрения на новшества. Они были объявлены «священными». Следующие поколения защитников старого обряда продолжили разыскания и сумели значительно увеличить количество цитат и круг исходных текстов.

Ярким примером такой работы была деятельность Тимофея Лысенина по составлению Книг, в которых нашел отражение обновленный «канон священных текстов». Они были соответствующим образом расположены и прокомментированы, что позволило представить решение спорных вопросов обряда и богослужебной практики. Старообрядец в Предисловиях к составленным им сборникам попытался обосновать возможность обращения к отобранным цитатам как к Божественному Писанию, а также аргументировать свое право их истолкования. При этом Тимофей Лы-

сенин дискутировал со своими оппонентами, прежде всего, с иерархом Афанасием Холмогорским.

Феофан Прокопович в Предисловии к сочинению, посвященному опровержению точки зрения защитников старого обряда на поливательное крещение, явно опровергал мнение Т. Лысенина по поводу «канона священных текстов» и права их истолкования. Иерарх сумел дать исключительно отрицательную характеристику раскольничьим учителям, представив их безграмотными обманщиками, уклонившимися в пустословие, «человеками глупыми» и т.п. Рассуждения этих «лжеучителей» он называет «бессловием» или «суесловием», «расколническим прекословием», которое, по его мнению, «смеха достойно». Их учение он объявил современной, «домашней», ересью.

Тимофей Лысенин подобным образом оценивал учение официальной Церкви, обозначив его «криво-сказательной ересью». Оба автора опираются на одни и те же цитаты, но толкуют их по-разному, обращая против оппонентов. Каждый аргументировал свои инвективы в адрес оппонентов, обвинив их в незнании Божественного Писания и неверном его понимании. Старообрядец уверен в том, что чтение представленных в его сборнике выписок из авторитетных древних рукописей и старопечатных книг с соответствующим истолкованием может считаться обращением к Божественному Писанию. Иерарх опровергал право раскольников толковать Писание, опираясь исключительно на «канон священных текстов». Но в конце вынужден был признать успешность распространения учения старообрядцев. Следовательно, в дискуссии, которая нашла отражение в Предисловиях, более убедительными были авторы-старообрядцы. Во всяком случае, Т. Лысенин высказал уверенность в своем праве толковать Божественное Писание, вернее, отобранные несколькими поколениями противников церковной реформы фрагменты, обращение к которым, как он считал, позволяет получить представление об истинной вере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русская старопечатная литература (XVI-первая четверть XVIII в.): Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. 303 с.
2. Сапожникова О.С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб., 2010. 320 с.
3. Бубнов Н.Ю. Герасим Фирсов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1. С. 193 – 196.
4. Коган М.Д. Геронтий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1. С. 200 – 203.
5. [Афанасий, архиепископ Холмогорский]. Увет духовный. М., 1682. 274 л.
6. Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI – XVII веках. Сводный каталог. М., 1958. 152 с.
7. Чумичева О.В. «Ответ вкратце Соловецкого монастыря» и Пятая соловецкая челобитная (Взаимоотношения текстов) // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 59 – 69.
8. Лысенин Тимофей Матвеев // Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996. С. 162.
9. Юхименко Е.М. Новый Иерусалим и старообрядцы в начале XVIII в. // Пятые чтения памяти проф. Н.Ф. Каптерева. Россия и православный Восток: новые исследования по материалам из архивов и музейных собраний (Москва, 30–31 октября 2007 г.): материалы. М., 2007. 214 с. С. 207–214;
10. Беляева О.К. К вопросу об использовании памятников древнерусской письменности в старообрядческих полемических сочинениях первой четверти XVIII в. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 9–16.
11. [Феофан Прокопович] Истинное оправдание правоверных христиан, крещением поливательным во Христа крещаемых. М., 1724. 30 марта.
12. Гусева А.А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010. 1248 с.

REFERENCES

1. Derzhavina O.A., Demin A.S., Eleonskaya A.S. (eds.). Russian Old-Printed Literature (the XVI -first quarter of XVIII centuries): themes and stylistics of forewords and afterwords. Moscow, 1981, 303 p. (In Russ.)
2. Sapozhnikova O.S. Sergius Shelonin, a Russian scribe of the XVII century. Editorial activities. Moscow, Saint Petersburg, 2010, 320 p. (In Russ.)
3. Bubnov N.Yu. Gerasim Firsov. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Saint Petersburg, 1992, iss. 3, pt. 1, pp. 193–196. (In Russ.)
4. Kogan M.D. Gerontius. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Saint Petersburg, 1992, iss. 3, pt. 1, pp. 200–203. (In Russ.)
5. Afanasius, *arkhiyeiskop of Kholmogory*. Spiritual precept. Moscow, 1682. 274 sh. (In Russ.)
6. Zernova A.S. Books of the Cyril press, published in Moscow in the XVI – XVII centuries: united catalog. Moscow, 1958, 152 p. (In Russ.)
7. Chumicheva O.V. “An answer in brief of Solovetsky Monastery” and the Fifth Solovetsky petition (text relations). *Issledovaniya po istorii literatury i obshchestvennogo soznaniya feodal'noy Rossii*. Novosibirsk, 1992, pp. 59–69. (In Russ.)
8. Lysenin Timofey Matveev. *Staroobryadchestvo. Litsa, sobytiya, predmety i simvoly. Opyt entsiklopedicheskogo slovaryia*. Comps.: S.G. Vurgaft, I.A. Ushakov. Moscow, 1996, p. 162. (In Russ.)
9. Yuhimenko E.M. New Jerusalem and the Old Believers in the early XVIII century. *Pyatye chteniya pamyati prof. N. F. Kapтерева. Rossiya i pravoslavnyy Vostok: novye issledovaniya po materialam iz arkhivov i muzeynykh sobraniy (Moskva, 30-31 oktyabrya 2007 g.)*. Moscow, 2007, pp. 207–214. (In Russ.)
10. Belyaeva O.K. To the problem of using the memorials of Old Russian writing in the Old Believer polemical writings of the first quarter of the XVIII century. *Obshchestvennoye soznanie, knizhnost', literatura perioda feodalizma*. Novosibirsk, 1990, pp. 9–16. (In Russ.)
11. [Feofan Prokopovich]. The true justification of Orthodox Christians with watering baptism in Christ baptized. Moscow, 1724. 57 sh. (In Russ.)
12. Guseva A.A. The collection of Russian books of the Cyril printing of the XVIII century of the printing houses of Moscow and St. Petersburg and the universal methodology to identify them. Moscow, 2010, 1248 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.04.2020

Дата рецензирования 26.05.2020

Статья принята к публикации 15.06.2020